

Е. В. Хаздан *E. V. Khazdan*
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

**«Свои» и «чужие»
напевы в сказках из
собрания Ш. Лемана:
к вопросу
о защитных механизмах
традиционной культуры**

**Tunes by “Own” and by
“Other’s” in the Tales from
the Collection of Sh. Leman:
On the Protective
Mechanisms
of Traditional Culture**

Аннотация

В статье представлены материалы из коллекции польского фольклориста Шмуэля Лемана, собранной на землях современной восточной и юго-восточной Польши. Это территория, на которой невозможно провести географическую границу между еврейскими общинами и коренным населением. Высокий риск перенять обычаи соседних народов и утратить собственную культуру заставлял евреев акцентировать опасные тенденции. Регулирование нормы происходило через формирование отношения общества к поступку, через высмеивание неправильного поведения.

Ключевые слова: *культура евреев Восточной Европы, еврейский фольклор, Шмуэль Леман, культура пограничья, охранительные функции культуры, еврейский юмор, плакальщицы*

Abstract

The article presents materials from the collection, gathered on the territory of modern eastern and south-eastern Poland by the folklorist Shmuel Lehman. It was impossible to draw a geographical border between Jewish communities and the indigenous population of this region. The high risk of adopting the customs of their neighbors and losing their own culture forced the Jews to emphasize dangerous trends. The rules of conduct were regulated through the formation of the community attitudes to the deeds. Laughter was the best way to do it.

Keywords: *the culture of the Jews of Eastern Europe, Jewish folklore, Shmuel Lehman, Borderlands’ Culture, protective function of culture, Jewish humour, mourners*

В 1933 г. в объемном томе фольклорно-этнографических исследований «Arkhip far yiddisher shprakhvisnshaft, literatur-forshung un etnologie» («Архив еврейского языкознания, литературоведения и этнологии») на идише была опубликована подборка материалов варшавского фольклориста Шмуэля Лемана (1886–1941) «Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim»

(«Народные сказки и анекдоты с напевами»)¹. Ранее мы уже обращались к этой коллекции². Тогда предметом анализа стали лишь шесть первых историй этого собрания, объединенные сюжетом о купле-продаже напева. Они были рассмотрены в основном в контексте типологически сходных явлений в фольклорных и литературных текстах, таких как *кумулятивные сюжеты и прозиметр*. Место этих сказок в культуре ашкеназов определялось лишь предположительно, соотнесенное — в связи с пародированием в них хасидских традиций — с движением *Гаскалы* (еврейского Просвещения). Кроме того, акцент был сделан на фигуре собирателя, обнародовавшего столь необычную коллекцию.

В настоящей статье мы рассмотрим тексты, в которых нашли отражение некоторые формы межнациональной коммуникации. Наша задача — определить функцию, выполняемую подобными историями, и показать действие регулятивных механизмов традиционной культуры в условиях пограничья.

Пятьдесят шесть текстов, объединенные Леманом в одной публикации, были зафиксированы в начале XX в. на территориях, вошедших в состав Российской империи в результате трех разделов Польши (1772–1795). Половина всех текстов — 27 номеров — записаны в Варшаве в 1902–1925 гг. По четыре текста — в Желехове (Желехув, Żelechów, Мазовецкое воеводство) и Мезриче (Międzyrzec Подлянского воеводства), по три — в местечках Бялобжег (Бялобргеги, Białobrzegi) и Гарволин (Garwolin) Мазовецкого воеводства³, по два — в местечках Прошовиц (Proszowice, Малопольское воеводство) и Вишниц (Вишнице, Wisznice, Люблинское воеводство). По одной записи сделано в Калушине (Kałuszyn), Лодзи, Бердичеве, Белостоке, Цехановце (Ciechanowiec, Подляское воеводство), Черкассах, в местечках Луков (Лукув, Łuków), Шидловцы (Шидлівці), Мир (Mińsk Гродненской губ.), Замощ (Замосць, Zamość, Замостье), Локач (по-видимому, Локачи Волынской губ.). В примечаниях Леман называет также Сохачев (Sochaczew), Люблин, Шедлице (Седлице, Siedliszcze Люблинского воеводства⁴). Два географических названия — «Гройс-Бялц» и «Гройс-Минск»

¹ *Lehman Sh. Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim // Arkhiv far yiddisher shprakhvisnshaft, literatur-forshung un etnologie / Aroysgegebn fun Noakh Prilutski un Shmuel Lehman. B. 1. Varshe; Nayerfarlag, 1926–1933. Z. 355–428.*

² *Хаздан Е. В. Две песенки за триста рублей: Сказки с напевами из собрания Ш. Лемана // Научные труды по иудаике: Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике / отв. ред. В. В. Мочалова: в 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 454–466; Chazdan E. Dwie piosenki za trzysta rubli. Bajki ze śpiewem ze zbioru Szmuela Lemana // Midrasz (Warszawa), 2011. № 3 (161), maj/czerwiec. S. 20–24.*

³ Любопытно, что Гарволин Леман обозначает «польским» именем, тогда как на идише город носит другое название — Mińwan (מינװאן).

⁴ Именно как Шедлице это местечко упомянуто Денисом Давыдовым: «Крейцу следовало... перейдя здесь Вепрж по прекрасному мосту, пересечь дорогу в Замостье Хржанскому, который, двигаясь на Шедлице и Раиовец (Rejowiec. — Е. Х.), описывал дугу» (*Давыдов Д. В. Записки о Польской войне 1831 года, в России цензурою непропущенные* / изд. князь П. Долгоруков. [Брюссель]: Londres & Bruxelles, 1863).

(Минск?) — однозначно идентифицировать не удалось. То есть большая часть материалов коллекции Лемана собрана на землях современной восточной и юго-восточной Польши, лишь один из населенных пунктов расположен к западу от Варшавы. Единичные записи сделаны на территории современной Украины и Беларуси.

Это территория «черты оседлости», на которой в течение столетий сохранялась высокая плотность еврейского населения. Она является зоной так называемого *пограничья*, на которой невозможно провести географическую границу между еврейскими общинами и коренным населением Польши, Украины, Беларуси, Литвы. До революции во многих местечках евреи составляли более половины от числа всех жителей⁵. В сельской же местности, несмотря на то что их расселение законодательно ограничивалось⁶, они содержали заезжие дома и шинки, занимались торговлей и ремеслами, становились арендаторами и управляющими в помещичьих усадьбах.

Две самые ранние записи датированы 1902 г. (Варшава), самая поздняя сделана в 1928 г. в м. Цехановец. У многих текстов датировка отсутствует.

По-видимому, Леман не собирал «истории с мелодиями» целенаправленно, а фиксировал их от случая к случаю⁷, впоследствии же объединил весьма разнородный материал, руководствуясь внешним признаком — наличием вокальных вставок. Поэтому записанные им тексты различаются по жанру и по объему. Некоторые — в их число входят и рассмотренные нами ранее сказки о продаже мелодий — имеют развернутый сюжет с завязкой, развитием и, как правило, развязкой-кульминацией; другие выглядят как бы усеченными, третьи — совсем краткие, фактически это байки, анекдоты или шутки. Наконец, есть такие, которые состоят из одной только песни, иногда снабженной комментарием собирателя. Рассказы сгруппированы не по времени или месту их фиксации, а по сюжетам.

Общим для всех текстов в этой публикации является наличие одного или нескольких напевов. Нотные вставки, присутствующие в каждой истории, могут

⁵ Сведения практически обо всех перечисленных местечках есть в Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона (СПб., 1908–1913). В статьях приведены данные переписи 1897 г. с указанием соотношения проживающих в них евреев и общего числа жителей. Например, в местечке Мир, согласно переписи, из 5401 жителей 3319 были евреи. Кроме того, здесь проводились ярмарки, «привлекавшие евреев из всей Литвы» (Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона: в 16 т. Т. 11: Миддот — Община. Стб. 101–102).

⁶ Так, в 1496 г. сеймом было принято постановление, запрещавшее евреям приобретать земельную собственность вне городов. После раздела Польши на территории Российской империи действовали «Положение об устройстве евреев», подписанное императором Александром I в 1804 г., затем указ императора Александра II (1866), а затем усугубляющие ситуацию «Временные правила» (1882).

⁷ У нас нет данных, свидетельствующих об использовании Леманом материалов, присланных корреспондентами.

быть как достаточно развернутыми, занимающими несколько строчек, так и отдельными мелодическими фразами, порой же они фиксируют лишь фрагменты фразы, короткие интонационные обороты. Мелодии Леман оформил в академическом ключе: они приведены в удобных для пения тональностях, с указаниями темпа (что в некоторых случаях оказывается существенным). Все артикуляционные особенности переданы с помощью знаков, принятых в академическом музыкознании. Например, можно предположить, что форшлагги показывают места специфических мелизматических украшений «крехцев». Отсутствуют специальные пометы, принятые для фиксации звуков, выходящих за рамки темперированного строя (например, понижения отдельных тонов). Вместе с тем в ряде примеров указанный размер не совпадает с количеством длительностей в тактах, кое-где тактовых черт вовсе нет.

Нигуны (напевы, исполняющиеся без слов, на слоги) не подтекстованы. В остальных случаях идишский текст (еврейским шрифтом) размещен под нотами, т. е. общее направление его чтения — по ходу нотной строки — слева направо. Слова разбиты на слоги, каждый из которых прочитывается справа налево. Под нотами текст выписан повторно без разбиения на слоги.

Сами мелодии играют в рассказах различные роли. В историях о купле-продаже напева они являются центральным элементом фабулы: с ними производятся разные манипуляции (их покупают, сшивают и проглаживают, демонстрируют как приобретенный товар). Многократное повторение напевов заложено в самой структуре кумулятивного повествования. Именно использование нигунов приводит к развязке.

В некоторых рассказах мелодии претерпевают изменения. Они могут ускоряться, заменять одна другую, персонаж может перепутать их: спеть один напев вместо другого.

Часть историй — не истории вовсе, а примеры разного рода вариантов напева того или иного текста: разные варианты «Lekho Doydi»⁸ (№ 39–45, 47), строка из псалма: «Ki leolam khasdo» («Ибо навеки милость его»⁹, № 48), утренние молитвы и т. п. В них, собственно, только и есть одна песенная часть — напев с текстом.

Мы рассмотрим несколько историй, в которых отражается взаимодействие еврейских обычаев с обычаями другого народа, так как именно в них наиболее ярко проявляются регулятивные функции традиционной культуры.

Возьмем три текста, близкие по содержанию, идущие в публикации один за другим.

⁸ Lekho Doydi (ивр. «Иди, друг») — торжественное песнопение, посвященное встрече Субботы.

⁹ «Благодарите Господа, потому что Он добр, потому что навеки милость Его» — первая строка в псалмах 107 и 136.

«Вот тебе тройак, принеси фунт соли»¹⁰

Один деревенский еврей нанял учителя для своего сына. Мальчик был туповат, учење давалось ему трудно, обычно он зазубривал.

Однажды дала ему мать тройак¹¹ и сказала: «Вот тебе тройак, принеси мне фунт соли и грош сдачи».

Начал он затверживать (на мотив для чтения Гемары):

Recitativo

Na dir a dray-cr un breng mir a funt zalts un a resht a gro-shn.

«Вот тебе тройак, принеси мне фунт соли и грош сдачи; вот тебе тройак, принеси мне фунт соли и грош сдачи».

Когда он так шел по дороге, повторяя, то услышал, как девушки поют:

Tempo di mazurka

Oy-da-da-na, da-na-da-na, oy-da-da-na, da-na, da-na.

«Ой-да да-на, да-на-да-на, Ой-да дана, дана».

И он пришел в лавку и сказал (на мотив девичьей песни):

Tempo di mazurka

Na dir a dray-cr un breng a funt zalts un a resht a gro-shn, gro-shn.

«Вот тебе тройак, принеси мне фунт соли и грош сдачи; вот тебе тройак, принеси мне фунт соли и грош сдачи».

¹⁰ «Na dir a drayer un bring a funt zalts» // Lehman Sh. *Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim*. No 8. Z. 386–387. Записано в 1923 г. от Аврома Млотека, Прошевиц, Келецкого воеводства.

¹¹ Тройак (drayer) — монета в полшестака. Шостак, шустак или шестигрошовик — серебряная монета Великого княжества Литовского и Речи Посполитой достоинством в шесть грошей. Чеканилась с 1528 по 1795 г. Тройак соответствовал прусскому *дриттене́ру* или трем датским *скиллингам*. Подробно о соотношениях разных денежных единиц на территории Речи Посполитой см.: *Юль Юст*. Записки датского посланника в России при Петре Великом / пер. Ю. Н. Щербачева // *Лавры Полтавы* / сост., послесл. В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. (Запись от 21 июля 1709 г.)

«Мама, на тебе лопату»¹²

Как-то один деревенский мальчик учился у *меламеда* и все никак не мог затвердить напев обучения. Ему велели, что бы что он ни говорил, всегда произносил с этим напевом.

Говорил он:

«Мама, дай мне поест».

«Мама, я хочу пойти в синагогу».

И так он затверживал и все время говорил с этим напевом.

Как-то раз послали его к соседке, крестьянке, позаимствовать лопату. Пришел он (к крестьянке) и сказал:

«Мариша, одолжи мне лопату!»

У крестьянина как раз было веселье, и играли там что-то вроде камаринской. Мальчик пришел к матери (с лопатой) и сказал (на напев, который услышал у крестьянки):

«Мама, мама, мама, мама, на тебе лопату!» (bis).

«Ребе, нет бубликов»¹³

Ученик иешивы был туповат. Ребе наказал, чтобы он, куда бы ни шел, затверживал урок.

¹² «Мама, na dir di lopete» // *Lehman Sh. Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim. No 9. Z. 387–388.* Записано в 1913 г. от Ицхака Фарбиажа, Ликив (Луков).

¹³ «Rebe, s'iz nishto keyn beygl» // *Lehman Sh. Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim. No 10. Z. 389–390.* Записано в 1917 г. от Калмана Голдвасера, Бялобжег.

Однажды дает ему ребе *зексер*¹⁴ и говорит (на напев Гемары):

Recitativo

Breng mir far a fir - rer bey - gl unfar a tsvey - ter keyz.

«Принеси мне на четыре гроша бублик и на два — сыра».

Влетел он в лавочку и сказал:

Recitativo

Gut mor-gn, ba-le-bos-te, na dir a zek-ser, gib mir far a fi - rer bey-gl unfar a tsvey-ter keyz.

«Доброе утро, хозяйка, вот тебе *зексер*, дай мне на четыре гроша бублик и на два — сыра!».

Говорит корчмарша:

«Мальчик, забери свой *зексер*, у меня нет ни бубликов, ни сыра».

Помчался он назад из лавки. А там идет русская музыка (военный оркестр) и играет:

Allegro

Влетает он к ребе и говорит:

Allegro

Re - be s'iz nish - to keyn bey - gl, re - be s'iz nish - to keyn keyz,
nat aykh op dem zek - ser zayt nisht af mir beyz.

«Ребе, нет бубликов, ребе, нет сыра. Возьмите Ваш *зексер* и не сердитесь на меня».

¹⁴ Серебряная монета, то же что шостак (см. сн. 11).

Вариант этой истории есть в собрании Йегуды-Лейба Кагана. Он записан в Варшаве:

Раби реб Йосл-Бер как-то послал мальчика из своего хедера купить за *зексер* бублик и сыр. Этот мальчик должен был пройти через военный плац, где солдаты маршировали по целым дням. К ночи он вернулся обратно в хедер с *зексером* в руке и пел песенку на мотив солдатского марша так: «Ребе, нет бублика...»¹⁵

Собиратель поместил рассказ в предисловие, а песенку, с которой вернулся ученик, — в детские песни, в раздел «Песни хедера»¹⁶. Здесь ритм последних тактов в обоих музыкальных предложениях заставляет мальчика повторять слоги, создавая эффект заикания:

Moderato

Re - be s'iz nish - tu kayn bay - gl, re - be s'iz nish - tu kayn key - key - keiz!

Nat akh up dem zek - ser, zat nisht oyf mir bey - bey - beyz!

Коллизия в приведенных нами историях состоит в контакте героя с нееврейским миром, в результате которого происходит подмена некоего «правильного» напева на чужой. Именно эта подмена составляет суть анекдота, потому что с данными ему поручениями мальчик так или иначе справляется. Он не путает слов, просит именно то, что ему велено, и всего лишь пропевает нужный текст на другую мелодию. Условие, которое ему не удастся соблюсти, — пение «на напев Гемары».

Во всех трех историях герой — мальчик, которому не дается учение. В двух случаях рассказчик называет его сыном «деревенского еврея» (на идише — «a dorftan»). Так могли называть еврея, живущего в селе: арендатора поместья, корчмы, мельницы. Как правило, арендаторы имели достаток, но они жили в отрыве от общины, не могли регулярно посещать синагогу. Им приходилось вести жизнь, в которой не оставалось времени для постоянных занятий Торой. Еще более отдалялись от традиционной жизни их дети, выросавшие в нееврейском окружении. Для них приглашали *меламеда* (учителя), но, как правило, заниматься они начинали позже, чем их сверстники. То, что пяти-шестилетние дети усваивали накрепко, в более старшем возрасте давалось значительно сложнее¹⁷.

¹⁵ Yudische folkslieder mit melodyen / Oys dem folks-moyl gezamlt fun Y. L. Kahan. 2 bd. New York; Varsh: Di internatsional bibliotek ferlag, 1912. Z. XLVIII.

¹⁶ «Rebe s'iz nishtu kayn baigl» // Yudische folkslie der mit melodyen. No 77. Z. 151–152.

¹⁷ Е. Котик вспоминает, что ребенок трех лет начинал учить алфавит и молитвы, а освоив их, переходил к другому меламеду, обучавшему его чтению Пятикнижия и простым комментариям.

В традиционном еврейском доме ребенок с малолетства слышал, как читает Тору, псалмы, Гемару¹⁸ отец или дед. Во многих мемуарах звучание священных текстов упоминается как привычная деталь повседневной жизни. Например, Полина Венгерова (1833–1916) вспоминает:

Мой отец имел обыкновение зимой и летом вставать в четыре часа утра, <...> удалялся к себе в кабинет, поудобнее усаживался на стул, придвигал ближе уже зажженные слугой свечи и раскрывал огромный том, ожидавший его уже с вечера. Покачиваясь в привычном ритме «распева», он начинал «учиться». Так проходило время до семи утра. Потом он выпивал свой чай и шел в синагогу к утренней молитве¹⁹.

В мемуарах Ехезкеля Котика (1847–1921) чтение Гемары — постоянная характеристика людей. Его прадед «был ученый человек и каждый день учил дома лист Гемары». Своих дочерей он выдал замуж за «весьма ученых» людей, «которых он содержал, а они день и ночь сидели и учились». «Дедушка обычно сидел в комнате с запертой на цепочку дверь и занимался»²⁰.

Ранние воспоминания об отце фольклориста Ефима Райзе (1904–1970) связаны с пением священных текстов:

Раннее зимнее утро. Пятница. Я... в своей постельке и на минуту просыпаюсь. <...> В полутемной комнате слышны размеренные и тихие шаги отца. Он поет псалмы, расхаживая по комнате. Он поет — и в мелодии столько грусти, столько сладости, что детское сердечко сжимается от какого-то неизведанного ощущения счастья. <...> я поворачиваюсь на другой бок, мелодия убаюкивает меня²¹.

А вот как Райзе описывает своего деда:

Дед, раскачиваясь всем корпусом и сильно пригибаясь к сейферу (книге. — Е. Х.) (он очень близорук), нараспев читает речитативом. Он читает древний текст, переводя на разговорный язык. Особенно важные места он подчеркивает, интонируя и повторяя их²².

Котик Е. Мои воспоминания / пер. с идиша М. А. Улановской; под ред. В. А. Дымшица. СПб.; М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2009. С. 64. В небольшом эссе профессор Бар-Иланского университета Даниэль Ласкер рассказывает о проблемах, с которыми столкнулись его сыновья, не обучившиеся библейским напевам в раннем детстве (*Lasker D. J. Teaching Ta'amei Ha-Mikra at an Early Age // Ten Da'at. 1991. No 5/2. P. 22–23*).

¹⁸ Талмудический комментарий.

¹⁹ *Венгерова П.* Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX в. / пер. с нем. Э. Венгеровой. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2003. С. 16.

²⁰ *Котик Е.* Мои воспоминания. С. 78, 82, 148.

²¹ *Райзе Е. С.* Семейная Хроника / публ. В. А. Дымшица, В. Е. Кельнера, А. Л. Львова // Архив еврейской истории. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005. С. 40. С. 9–65.

²² Там же. С. 22.

Герои представленных историй выросли в другом мире. Нееврейское окружение привычно им. Так, во второй истории мальчик направляется одолжить (*borgn, идиш*) лопату, но к соседке обращается по-польски: «*rozhiči mnje*» (т. е. *ро́жыц*). Звучание мазурки, коломийки (названной в рассказе «чем-то вроде ка-маринской») или военного марша для героя оказывается привычнее синагогального песнопения. Ритмичные, связанные с движением мелодии являют резкий контраст с речитативным складом напева, который пытается затвердить герой. Лишь в одном — последнем — случае квартовые интонации марша (и у Лемана, и у Кагана он составлен из сигнальных мотивов) перекликаются с квартовыми же вопрошающими интонациями традиционного напева. Юноша не только схватывает мотив, что называется, на лету, но и творчески его подтекстовывает.

Что имеет в виду рассказчик, веселящий публику подобной историей? Почему для его слушателей ситуация выглядит смешной?

Часто случается слышать, что евреи умеют «посмеяться над собой». Действительно, фольклористы записали множество забавных историй, анекдотов, юмористических и сатирических песен, изображающих своих собратьев в нелепых, смешных ситуациях. Однако дело не в природной склонности к шутке: жизнь в условиях пограничья (а для евреев Восточной Европы все места их расселения фактически были пограничем) заставляет строже относиться к своим традициям, более чутко различать границы нормы. В этом контексте истории, представленные в собрании Лемана, демонстрируют именно те опасные ситуации, в которых может произойти отход от традиционного образа жизни, за которым может последовать ассимиляция.

Для традиционного сознания все вокруг, включая самые обычные бытовые действия, может рассматриваться сквозь призму священных текстов. Где бы человек ни находился, чем бы ни был занят, он одновременно пребывает во вневременном пространстве собственной традиции. Ключевым здесь становится его внутреннее восприятие ситуации, сосредоточение на столь важном для него своем мире.

Напев выступает одним из важнейших инструментов внутренней настройки, удержания нужного состояния. Для еврея совершенно естественно, идя куда-либо, напевать. «*Der tate geyt fun davnen trit ba trit / Un murmlt sltil a nign*», — вспоминает благостный покой наступающей Субботы герой одной из песен²³. В этом ракурсе напевы, затверженные с детства, выступают естественной звуковой средой.

Герои рассказов не могут освоить элементарный для традиционного сознания уровень, затвердить простейшие интонации. Зато они оказываются восприимчивы

²³ «Папа идет с молитвы, шаг за шагом / И тихо напевает нигун». См.: *Fraytik oyf der nakht // Mir trogn a Gezang! Favorite Yiddish songs of our Generation / Second and Enlarged Edition* by Eleanor Gordon Mlotek. 4th edition. New York: Workmen's Circle Edukation Department, 1977. P. 110–111. Авторство текста приписывается Нохему Штернхейму (род. в Галиции в 1879 г., погиб во время Второй мировой войны).

к напевам, предлагаемым чужой культурой. Причем в первой истории мальчик внимает *девичьим* голосам (слушать голос женщины еврейская традиция запрещает, а тут еще поют *shiksesh* — нееврейские девушки). Чуждым и опасным является также все, связанное с воинской службой: мальчики, забранные в солдаты, не имели возможности соблюдать заповеди, справлять Субботу и праздники, нередко их принуждали креститься. «Призыв» был одним их самых больших несчастий для любой еврейской семьи. Пограничной является и ситуация чуждого праздника: еда, формы развлечений, музыка на нем могут выступать соблазнами, источниками нечистоты.

Рассказчик заставляет слушателей посмеяться над незадачливым «деревенщиной», старательно выполняющим данные ему поручения, но неспособным позаботиться о правильном внутреннем наполнении своих действий. То есть эти истории выполняют охранительные функции: никто из слушателей не хотел бы, чтобы его дети оказались на месте их героев. Регулирование нормы через формирование отношения общества к поступку действует сильнее обычного запрета, при этом наказанием становится сам рассказ. Община не выносит порицания напрямую ни герою, ни его родителям, не отказывает им в чем-либо. Арендатор может переехать в местечко, его сын вполне может освоить трудно дающуюся науку: они не становятся изгоями. Но каждый еврей, оказывавшийся перед выбором, поневоле задумается, подыщет хорошего учителя или просто ученого человека, чтобы тот жил в его доме и продолжал заниматься Торой, тем самым обеспечивая ему и его домочадцам «место в будущем мире».

Перелистаем еще несколько страниц в публикации Лемана, выбрав на этот раз сюжет, выглядящий не столь однозначным.

Много поручений²⁴

Увидел однажды Харцке Граф²⁵ похороны ребенка. Идет за ним мать и выкрикивает:

Recitativo

Zolst zayn a mey-lets yoy - sher far mir, fa - rn ta - tn, far di
shves - ter, far dem bru - der, far di gan - tse mish - po - khe!

«Да будешь ты ходатаем за меня, за папу, за сестру, за брата, за всю семью!»

²⁴ Asakh shlikhes // Lehman Sh. Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim. No 29. Z. 406–407. Записано от Мойши Турина (Варшава), без даты.

²⁵ Известный в Варшаве остряк и балагур. О нем рассказывают разные анекдоты. (Примеч. Лемана.)

Говорит ей Харцке: «С таким множеством поручений ты посылаешь такого крошку-еврея? Со столькими поручениями — сами ходят».

«Дорогой папа!»²⁶

Как-то умер один человек, его дочка закричала на похоронах:

«Дорогой папа! Будь искуплением за моего мужа!»
(Она хотела сказать: «Да будешь ты мне ходатаем!»)

В сноске-примечании к этому рассказу Леман приводит другой.

Рассказывают схожую историю. Женщина после выпечки мацы хотела пожелать, чтобы в следующем году — в Эрец-Израэль, и сказала: «В следующем году — в раю!»²⁷

«Ой, мой дорогой брат!»²⁸

Однажды у одной женщины родился ребенок, мальчик не прожил и двух дней. Когда ребенка выносили из дома, домашние пошли за ним и начали плакать, и девочка, сестра, закричала:

«Ой, мой дорогой брат! Ой, мой золотой брат! Как ты нас оставил?!»

В сноске-примечании к этому рассказу Леман приводит его вариант:

У женщины случился выкидыш. Когда выносили младенца из дома, женщина закричала: «Ой, мой прекрасный сын, ой, мой светлый сын, ой, мой дорогой цадик!»²⁹

²⁶ «Tayerer tate!» // Lehman Sh. Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim. No 30. Z. 407. Записано от Телце Краковича (Желехов), без даты.

²⁷ Lehman Sh. Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim. Сноска на с. 407. Записано от Пинии Лифшица (Цехановец), без даты.

²⁸ «Oy mayn tayerer bruder!» // Lehman Sh. Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim. No 31. Z. 407–408. Записано в Желехове, информант и дата не указаны.

²⁹ Lehman Sh. Folks-mayselekh un anekdotn mit nigunim. Сноска на с. 408. Записано от Переца Фишмана (Варшава), без даты.

Человеку другой культуры сложно представить себе, что эти истории могут быть смешными. Однако они поставлены в ряду с прочими веселыми рассказами. Леман (и те, кто сообщил ему их) не сомневаются, что это забавные ситуации. В чем тут дело?

Все три истории связаны общей темой: похороны. В трех случаях умерший — ребенок, младенец, не проживший и двух дней, и недоношенный плод. Может быть, с этим связана неуместность выказывания скорби? Согласно традиции, по новорожденному, т. е. прожившему менее тридцати полных дней, траур не справляют.

Причитание в одной из историй ребенка (девочки) выглядит нелепо даже для славянской культуры: как известно, в славянских традициях вопленицами выступают женщины старшего поколения.

Женщина назвала умершего мужа не ходатаем, защитником, а *kapore* (искуплением), — она всего лишь запуталась в терминологии (и те и другие слова являются гебраизмами). Может быть, дело в том, что женщины не учат Тору, и для них не очень ясен смысл ритуальных терминов? В истории, данной Леманом в сноске (и как будто бы схожей), женщина путает рай и Землю Израиля. И то и другое для нее — абстрактное и как бы очень желанное место. И там и там — она слышала — будет хорошо.

Безусловно, все эти детали важны. Но не они здесь главные. Потому что основной темой этих трех историй является причитание как таковое — плач по умершему.

Ни в одном фольклорном сборнике мы не находим ашкеназской похоронной причети. При этом ритуал похорон и траура описан достаточно детально. Чаще всего указывается поспешность обряда: согласно сказанному в Торе «Погреби его в тот же день» (Втор. 21: 23), следовало завершить все до наступления ночи. Над телом умершего читали псалмы. Ритуальными проявлениями скорби были надрывание одежды, сидение на полу или низких скамьях и др., но плача и причитаний над покойником не было. По младенцу, если ему не было месяца, траур не соблюдался.

У соседствовавших с евреями народов могли складываться свои, отчасти мифологизированные представления о еврейских похоронных обрядах. Однако в них практически нигде нет упоминания об оплакивании.

Соб.: Плачут во время похорон?

Инф.: Ну, как вам сказать? Когда уже занесут, то да, там уже... бывает, что и плачут, бывает, не плачут. Но обычно больше все молча. Молча³⁰.

³⁰ *Алексеевский М.* Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / отв. ред. С. Амосова. М., 2016. С. 154.

Плакальщиц в такого рода воспоминаниях называют редко и, как правило, в необычных контекстах, не совпадающих с обрядами голошения у славян. Например, они двигаются в составе похоронной процессии (информант подчеркивает, что все происходит необычно быстро, так что непонятны их ритуальные действия):

И шли, брали четверо на tych носилках, как бы то деревьяни, таки ручки були, четверо йих брали и швидко биглы! Як могли швидче — так вони биглы. А за ними биглы чотыри-пять плачок. Котри бога-тийши, тот бильше нанимав, а котори бидный — одну-двѣ. И то так биглы туда³¹.

В другом воспоминании функция плачеи — напомнить умершему его имя:

В Глубоком (от неевреев, вспоминаявших о былом соседстве. — Е. Х.) было записано свидетельство, что специально нанятая «плакса», пребывая возле тела, все время говорила покойному: «Ты не забудь своё имя (называет ейное имя), ты не забудь своё имя, ты помни своё имя. Ты не забудь своё имя»³².

Согласно поверьям, человека после смерти встречает ангел, которому следует назвать свое еврейское имя. В макаронической песне «Микитка» над персонажем подтрунивают, говоря, что он не сможет ответить на этот вопрос:

A malekh hadoyme pride i budet spitati:
“Ma shmekho?” Yak zvati?
A ti Mikitka, Mikitka, budesh lezhati,
Oy, ne budesh znati, yak otvechati...³³

Чтобы напомнить покойному его имя, над телом читаются талмудические разделы, начинающиеся с тех же букв. Возможно, это было истолковано информантом из Глубокого как действие «плаксы».

При этом в ашкеназской традиции есть профессиональные плакальщицы (вопленицы), только их функция иная. Описание этих «редко встречаемых типов» есть в воспоминаниях Аврома Рехтмана, принимавшего участие в этнографических экспедициях С. Ан-ского. Это старухи, которых зовут к тяжело больным, находящимся на грани жизни и смерти. Методы их «лечения» заключаются

³¹ Архив центра «Петербургская иудаика». Запись сделана от Е. П. Свидрука (г. Надворна). См.: Амосова С., Каспина М. Еврейский похоронный обряд глазами евреев и славян // Лехаим. 2012. № 3. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/239/amosovakaspina.htm>

³² Белова О. В. Быт и повседневность в рассказах жителей Глубокого // Глубокое: Память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копченова. М., 2017. С. 210.

³³ 60 Folks-lider fun Z. Zeligfelds un M. Kipnis kontsert repertuar. Gezamlt durkh M. Kipnis. Ershte teyl. Varshe: Farlag A. Gitlin, 1918. No 61. Z. 140. «Ангел царства смерти придет и будет спрашивать: / „Как твое имя“ — Как зовут? / А ты, Микитка, Микитка, будешь лежать, / Ой, не будешь знать, что отвечать».

в экстремальных действиях: они врываются в Синагогу, распахивают Арон-Койдеш³⁴ и плача, умоляют Тору заступиться за несчастного, либо ходят на кладбище, где взывают к мертвым, прося их заступиться за живых и оградить их от опасности. Еще одна обязанность плакальщиц — отвести перед свадьбой невесту-сироту на могилу родителей, чтобы испросить ей благословения. Наконец, их можно увидеть на кладбище в годовщины смерти или в месяц *элул*, когда принято посещать могилы предков. Они за деньги плачут над могилами, прося умерших быть заступниками своим детям и внукам. И делают это тем старательнее, чем большую плату получают³⁵.

Теперь можно понять, в чем соль историй, опубликованных Леманом. Несмотря на то что «чужая» культура в них явно не обозначена, она присутствует: героини рассказов перенимают обычаи и формы поведения, несвойственные ашкеназской традиции. По-видимому, став свидетелями похоронных причитаний, они воспроизводят некую гибридную их форму. С одной стороны, они «вопят» (*кричат*, что не характерно для еврейского похоронного обряда) над телом умершего. С другой, используют формулы, которые звучат в плачах на еврейском кладбище в дни поминовения — годовщины смерти или в *элул*. Именно тогда звучали просьбы: «*Louf betn*» («Беги и проси» *идиш*)³⁶, призывающие умерших выступить ходатаями и защитниками потомков на том свете.

Напев «плачей», зафиксированных Леманом, подобен напеву на который поются псалмы³⁷, а также покаянные молитвы *slikhes*, звучащие в самом начале Новолетия. В сборнике А. Баера приведен вариант подобного напева с пометой «*Minhag Polen*» (обычай Польши), его начальная интонация совпадает с мелодиями «воплениц»³⁸:

³⁴ Шкаф в синагоге, в котором хранятся свитки Торы.

³⁵ Klogerins un baveynerins // Rechtman A. Idische ethnografie un folklor: Zikhrones vegn der ethnografisher ekspeditsie, ongefirt fun Sh. An-ski. Buenos-Ayres: Idisher visnshaft institut — IVO, 1958. S. 306–397.

³⁶ См. подробнее: *Дымшиц В. А.* Еврейское кладбище: место, куда не ходят // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008. С. 153.

³⁷ См. в приведенном выше воспоминании Райзе: «Он поет (псалмы. — Е. Х.) — и в мелодии столько грусти...».

³⁸ Baal Tfillah. Der practische Vorbeter. Vollständige Sammlung der gottesdienstlichen Gesänge und Recitative der Jsraeliten nach polnischen, deutschen (aschk'nasischen) und portugiesischen (sephardischen) Weisen nebst allen den Gottesdienst betreffenden rituellen Vorschriften und Gebräuchen von Abraham Baer, Ober-Cantor und Gesanglehrer der israelitischen Gemeinde zu Gothenburg. Dritte vermehrte und verbesserte Auflage. Frankfurt: Verlag von J. Kauffmann. 1877. S. 69. № 240. Текст песнопения из кн. (Дан 9: 7): «С Тобой, Господи, правда, а у нас ныне — стыд на лице».

Тогда острóта Харцке Графа дополняется новыми красками. Он упрекает плакальщицу в том, что слишком много shlikhes — поручений, но в ряде областей восточной Польши звук [ш] произносился как [с] — получалось «много slikses», молитв о прощении грехов (опознаваемых также по звучавшему напеву).

Таким образом, несмотря на то что в трех крохотных историях-анекдотах не показано столкновения, сопоставления двух традиций, в них также проявляется регулятивная функция. При этом понимание смешного может быть различным. Слушателей приглашают посмеяться, но и задуматься, в чем нелепость той или иной ситуации, оценить свой уровень знаний конкретного обычая. Возможно, посоветоваться с кем-то сведущим.

«Истории с напевами» — не единственный жанр, в котором проявляются охранительные функции традиции. Мы находим их в несказочной прозе, песнях, народных театральных представлениях. Они проникают в литературу и на академическую театральную сцену. Пограничность культуры, опасность воздействия на нее чуждых явлений заставляла постоянно прочерчивать разделительную черту, акцентируя опасные тенденции. Отсюда — гротесковые черты, которые, как считается, характерны для ашкеназской культуры. Люди, рассказывавшие подобные анекдоты, слушавшие и сами певшие песни, принадлежали к миру местечка — им были хорошо знакомы и другие его стороны. Они смеялись не над собой, не над своей культурой — смех был одним из действенных средств сберечь свои традиции.

Литература

- Алексеевский М.* Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / отв. ред. С. Амосова. М., 2016. С. 154.
- Амосова С., Каспина М.* Еврейский похоронный обряд глазами евреев и славян // Лехаим. 2012. № 3. <https://lechaim.ru/ARCHIV/239/amosovakaspina.htm> (дата доступа: 02.04.2019).
- Белова О. В.* Быт и повседневность в рассказах жителей Глубокого // Глубокое: Память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копченова. М., 2017. С. 177–220.
- Венгерова П.* Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX в. / пер. с нем. Э. Венгеровой. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2003.
- Давыдов Д. В.* Записки о Польской войне 1831 года, в России цензурою непропущенные / изд. князь П. Долгоруков. [Брюссель]: Londres & Bruxelles, 1863.
- Дымшиц В. А.* Еврейское кладбище: место, куда не ходят // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2008. С. 135–158.

- Котик Е.* Мои воспоминания / пер. с идиша М. А. Улановской; под ред. В. А. Дымшица. СПб.; М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2009.
- Райзе Е. С.* Семейная Хроника / публ. В. А. Дымшица, В. Е. Кельнера, А. Л. Львова // Архив еврейской истории. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005. С. 40. С. 9–65.
- Хаздан Е. В.* Две песенки за триста рублей: Сказки с напевами из собрания Ш. Лемана // Научные труды по иудаике: Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике / отв. ред. В. В. Мочалова: в 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 454–466.
- Юст Юль.* Записки датского посланника в России при Петре Великом / пер. Ю. Н. Щербачева // Лавры Полтавы / сост., послесл. В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001.
- Khazdan E.* Dwie piosenki za trzysta rubli. Bajki ze śpiewem ze zbioru Szmuela Lemana // Midrasz (Warszawa), 2011. № 3 (161), maj/czerwiec. S. 20–24.
- Lasker D. J.* Teaching Ta'amei Ha-Mikra at an Early Age // Ten Da'at. 1991. № 5/2. P. 22–23.
- Lehman Sh.* Folks-mayslekh un anekdotn mit nigunim // Arkhiv far yiddisher shprakhvisnshaft, literatur-forshung un etnologie / Aroysgegebn fun Noakh Pri-lutski un Shmuel Lehman. B. 1. Varshe; Nayerfarlag, 1926–1933.
- 60 Folks-lider fun Z. Zeligfelds un M. Kipnis kontsert repertuar. Gezamlt durkh M. Kipnis. Ershte teyl. Varshe: Farlag A. Gitlin, 1918. No 61.
- Yudische folkslieder mit melodyen / Oys dem folks-moyl gezamlt fun Y. L. Kahan. 2 bd. New York; Varshe: Di internatsional bibliotek ferlag, 1912. Z. XLVIII. Ydische folkslieder mit melodyen. No 77. Z. 151–152.